E6 260

3 Е6 260

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА 1914 ГОДА

(БОРЬБЫ СЪ НѢМЕЦКИМЪ ЗАСИЛЬЕМЪ).

Князь С. П. Мансыревъ

Членъ Государственной Думы

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕНЪ ОБЩЕСТВА 1914 г.

НѢМЕЦКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

и

Правила 2-го Февраля 1915 г.

(докладъ, прочитанный въ чрезвычайномъ общемъ собраніи г.г. Членовъ „Общества 1914 года“ 29 апрѣля 1915 года).

506

XXI ОТДѢЛЪ.
233

ПЕТРОГРАДЪ.

Типо-Литографія Н. І. Евстифѣева, Невскій 15 и Мѣщанская 20.

1915.

Е6 260

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА 1914 ГОДА
(БОРЬБЫ СЪ НѢМЕЦКИМЪ ЗАСИЛЬЕМЪ).

Князь С. П. Мансыревъ
Членъ Государственной Думы
ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕНЪ ОБЩЕСТВА 1914 г.

НѢМЕЦКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

и

Правила 2-го Февраля 1915 г.

(докладъ, прочитанный въ чрезвычайномъ общемъ собраніи г.г. Членовъ „Общества 1914 года“ 29 апрѣля 1915 года).

XXI ОТДѢЛЪ.
233

ПЕТРОГРАДЪ.
Типо-Литографія Н. І. Евстифѣева, Невскій 15 и Мѣщанская 20.
1915.

И

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

№9347

БИБЛІОТЕКА МУЗЕЯ
27 НОЯБ 1915
Д. Г. БУРЫШКИНА

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Не день, не мѣсяцъ, а цѣлыя столѣтія были мы знакомы съ нашими ближайшими сосѣдями заграницей—съ нѣмцами. Мы изучили ихъ исторію, изучили географію страны, изъѣздили всю Германію вдоль и поперекъ. Знали мы отчасти и русскую исторію, въ особенности же хорошо знали тѣ періоды ея, когда мы входили въ ближайшее соприкосновеніе съ нѣмцами. Мы были знакомы съ эпохой Бирона, съ эпохой Голштинцевъ при Петрѣ III и съ эпохой Гатчинцевъ при Павлѣ I; слыхали кое-что про Меттерниха и о Священномъ Союзѣ, про Бисмарка и о Берлинскомъ Конгрессѣ, такъ что въ незнаніи исторіи нашей и внѣшней связи съ ней германской исторіи насъ упрекнуть нельзя. Читывали мы въ оное время не только чудаковъ славянофиловъ, но и нашихъ классиковъ, которые въ своихъ произведеніяхъ оставили намъ очень обширную галлерею различныхъ типовъ германскаго происхожденія: скромныхъ бюргеровъ, ученыхъ, почтенныхъ отцовъ семействъ и дѣятелей на различныхъ поприщахъ государственной и общественной жизни. Мы привыкли къ тому, что во многіе моменты нашей исторіи нѣмцы являлись какъ бы нашими хозяевами, но ко всему этому мы относились съ строго философской, такъ называемой объективной точки зрѣнія. Мы какъ то въ общемъ относились къ нимъ съ почтеніемъ, иногда лишь позволяли себѣ позубоскалить довольно невиннымъ образомъ въ родѣ того что „нѣмецъ обезьяну выдумалъ“, „что русскому здорово, то нѣмцу смерть“, но въ общемъ отношенія наши къ нимъ были болѣе или менѣе почтительныя какъ учениковъ къ своимъ мудрымъ учителямъ, наставлявшимъ насъ на всѣхъ поприщахъ нашей дѣятельности и жизни. Чего мы не знали, съ чѣмъ какъ то не успѣли ознакомиться за послѣднія 200 лѣтъ, это былъ Прибалтійскій край, который находится въ довольно недалекомъ разстояніи отъ Петрограда.

Въ сущности по отношенію къ нему у насъ не было ни малѣйшихъ сомнѣній: край намъ принадлежитъ, значитъ мы имъ управляемъ, да и кто же другой можетъ управлять имъ: про него ничего не пишутъ въ газетахъ и не говорятъ въ обществѣ, слѣдовательно все обстоитъ благополучно и безпокоиться нечего. А жителей, да мы ихъ видимъ на каждомъ шагу: они вѣдь наполняютъ ряды нашей высшей администраціи, наполняютъ ряды нашего придворнаго вѣдомства. Это тѣ самые милые, образованные и умные бароны, которыхъ мы видимъ всюду и вездѣ.

Конечно смѣшно, чтобы въ лойяльности ихъ возникало какое нибудь сомнѣніе, въ общемъ мы знаемъ, что это хорошіе люди, прекрасные исполнители и вѣрные слуги родины. Лѣтъ 10 тому назадъ мы услыхали о томъ, что кромѣ бароновъ въ Прибалтійскомъ краѣ есть еще и другое населеніе—какіе то латыши и эсты, но разницу между ними мы не могли себѣ уяснить. Мы слышали, что они бунтуютъ и за это на нихъ озлобились.

Вотъ они какіе, задумали бунтовать, можетъ быть хотятъ отъ Россіи отдѣлиться и основать собственное государство. Какое дурачье, посмотримъ, какъ хозяева края съ ними расправятся, они это съумѣютъ сдѣлать. Вотъ чѣмъ ограничивались наши познанія о Прибалтійскомъ краѣ и такъ шло долгіе годы. Вдругъ, неизвѣстно съ чего внезапно разгорѣлась война, русскій обыватель встряхнулся, пробудился отъ сна, протеръ себѣ глаза и увидѣлъ замѣчательныя вещи, которыя открылись передъ нимъ. Тѣ самые, наши почтенные учителя, уважаемыя лица, къ которымъ мы всегда привыкли относиться съ благоговѣніемъ, какъ къ свѣточамъ премудрости, вдругъ обратились въ майоровъ Прейскеровъ; уже не воиновъ-рыцарей увидѣли мы передъ собой, а толпу, забывшихъ самыя элементарныя правила чести и справедливости хулигановъ. Почтенные гелертеры-ученые, вмѣсто проникнутыхъ высокимъ духомъ мудрости философскихъ статей и книгъ, стали изумлять міръ своими воззваніями, въ которыхъ оправдываются убійства, насилія и вся-

ческія мерзости. Почтенныя матери семействъ, украшаемыя всевозможными добродѣтелями, отравляютъ колодцы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ проходятъ русскія войска. Сентиментальныя и невинныя Гретхенъ изумляютъ міръ, превосходя жестокостью своихъ братьевъ. Все это раскрылось передъ нами совершенно внезапно, но и внутри Россіи насъ ожидали сюрпризы. Начнемъ съ того же Прибалтійскаго края. То, что мы услышали въ первый мѣсяцъ послѣ начала войны, поразило насъ совершенно какъ громомъ; мы даже не могли себѣ представить, чтобы въ тѣхъ слухахъ, которые до насъ доходили, была бы хоть доля справедливости. Ходили слухи о бетонныхъ площадкахъ неизвѣстнаго назначенія, базахъ для аэроплановъ, о сомнительныхъ сигнализаціяхъ и тому подобное. Мы говорили: пустяки, вздоръ, клевета, травля инородцевъ.

Начали ходить слухи о совсѣмъ не маломъ количествѣ иностранныхъ подданныхъ, проживавшихъ въ Прибалтійскомъ краѣ и скрывшихся чуть ли не наканунѣ войны. Мы отказывались этому вѣрить, но дальше пришлось повѣрить; потомъ стали появляться судебные приговоры, которые закрѣпляли своимъ авторитетомъ дѣянія, которыя мы считали невозможными допустить для прибалтійскихъ бароновъ. Это всѣмъ извѣстныя дѣла о мобилизаціи конской, о реквизиціи рогатаго скота, въ которыхъ мнѣніе не только о политической, но и обыденной житейской честности господъ бароновъ подвергалось нѣкоторымъ коррективамъ, наконецъ дѣла о шпіонажѣ, въ которыхъ также недостатка не было. Отъ Прибалтійскаго края наши взоры обратились дальше вглубь Россіи и здѣсь мы увидѣли несказанныя вещи; какъ будто только теперь передъ нами открылась нѣмецкая колонизація, а она вѣдь существовала не мало, не много 152 года.

Въ 1763 г. блаженной памяти Императрица Екатерина II выписала нѣмецкихъ колонистовъ и поселила ихъ въ Поволжьѣ, частью, чтобы оживить полудикій, а можетъ быть даже и совсѣмъ дикій въ то время край, а во вторыхъ и главнымъ образомъ, чтобы просвѣтить и

научить нашихъ варваровъ-мужиковъ пріемамъ усовершенствованной земельной культуры.

Почувствовали себя колонисты довольно хорошо въ этой мѣстности и черезъ 100 лѣтъ въ 1863 году ихъ уже въ Россіи числилось свыше 226 тыс. душъ обоего пола, во владѣніи которыхъ находились 2 мил. десятинъ земли. Но это было въ 1863 году, это было до Франко-Прусской войны, до того какъ Германія объединилась въ имперію; а вотъ съ 80-хъ годовъ дѣло пошло нѣсколько быстрѣй. Начинаясь съ 80-хъ годовъ до 1908 г. на протяженіи 25 лѣтъ количество колонистовъ уже удесятерилось и вмѣсто 226 тыс. душъ уже ихъ оказалось по подсчету 1908 года 2 мил. 100 тыс. душъ, а десятинъ земли находилось въ ихъ владѣніи вмѣсто 2 милліоновъ десятинъ 12 мил. дес. Да вѣдь какой земли, въ наилучшихъ мѣстностяхъ, не въ дебряхъ Вологодской или Архангельской губерній, не въ далекой Сибири; это тучныя равнины Поволжья, прекрасныя плодородныя мѣста нашей юго-западной окраины и, наконецъ, излюбленный для всѣхъ германцевъ Прибалтійскій и Привислянскій край. Тамъ мы дѣйствительно увидѣли, что нѣмецкая колонизація на нашихъ глазахъ выросла и пышнымъ цвѣтомъ распустилась во всю; мы увидѣли тамъ, что нѣтъ ни одного промышленнаго центра, нѣтъ ни одного узлового пункта желѣзныхъ дорогъ, нѣтъ ни одного сколько нибудь значительнаго мѣстечка, которое не было бы окружено, какъ паутиной, сѣтью нѣмецкихъ колоній.

Мы могли съ этимъ еще кое какъ примириться несмотря на то, что и это показалось намъ довольно неожиданнымъ открытіемъ, до тѣхъ поръ, пока до насъ не стали доходить слухи о нѣсколько неудобныхъ дѣйствіяхъ жителей этихъ самыхъ нѣмецкихъ колоній, относительно перебѣжчиковъ изъ нихъ въ иностранныя войска, которые впослѣдствіе попадали къ намъ въ плѣнъ и уже фигурировали въ качествѣ нашихъ военноплѣнныхъ; относительно того, что колонисты сообщали всевозможныя свѣдѣнія о передвиженіяхъ нашихъ войскъ, результатомъ

чего бывало внезапное появленіе германскихъ войскъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, о которыхъ германцы, мы полагали, не могутъ имѣть свѣдѣній, но въ которыхъ имѣлось достаточное количество нѣмецкихъ колонистовъ. Во всякомъ случаѣ долженъ сказать, что въ Царствѣ Польскомъ колонизація нѣмецкая шла до такой степени быстро, что въ 1906 году германское правительство съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія могло законодательнымъ порядкамъ объявить, что Привислянскій край по отношенію къ ставкамъ страхованія рабочихъ не можетъ уже разсматриваться какъ край зарубежный, а долженъ разсматриваться какъ внутренняя область германская.

Германскому правительству это было крайне пріятно, а намъ въ то время, пожалуй, это тоже было только пріятно; въ самомъ дѣлѣ, нельзя допустить было, чтобы законъ этотъ тамъ оставался неизвѣстенъ, но мы реагировали на него только радостнымъ изумленіемъ: вотъ какъ сильно развивается наша сельскохозяйственная культура. Наряду съ этимъ шло и мирное завоеваніе Россіи германцами во всѣхъ областяхъ торгово-промышленной жизни. Почтенный мой предшественникъ *) уже нарисовалъ вамъ въ этомъ отношеніи достаточно полную картину, но я не могу удержаться, чтобы не указать здѣсь, что одна изъ древнѣйшихъ улицъ Москвы—Мясницкая, съ прилегающими къ ней чисто русскими улицами Лубянкой, Покровкой и другими—обратилась давнымъ давно въ нѣмецкій городъ съ прилегающими къ нему форштадтами, что въ любомъ страховомъ обществѣ, куда бы вы ни пришли, вы будете имѣть удовольствіе слышать только благородный и чистый языкъ Шиллера и Гете и видѣть передъ собой полчища симпатичныхъ блондиновъ чистѣйшаго тевтонскаго типа, а между ними развѣ изрѣдка неуклюжую фигуру русскаго артельщика, существа лишь терпимаго. Россійскій обыватель наконецъ, послѣ объявленія войны прозрѣлъ какъ будто и относи-

*) См. И. И. Сергѣевъ „Мирное завоеваніе нѣмцами Россіи". Изд. О-ва 1914 г.

тельно всѣхъ нашихъ административныхъ вѣдомствъ, въ частности дипломатіи, гдѣ онъ точно также увидѣлъ, что чуть ли не половина должностей на высшихъ ступеняхъ, также, какъ и въ тѣхъ вѣдомствахъ, которыя дѣлаютъ хорошую и дурную погоду въ административномъ смыслѣ, заняты нѣмцами. Положимъ, мы были глубоко убѣждены и до сихъ поръ остаемся въ убѣжденіи, что лучшаго исполнителя, организатора и болѣе точнаго проводника указаній, получаемыхъ свыше, чѣмъ нѣмецъ, найти нельзя, но тѣмъ не менѣе насъ нынѣ начинаетъ шокировать подобное стремленіе завоевать нашу администрацію. И вотъ, когда всѣ эти явленія—расхищеніе нашей земельной собственности, плѣненіе нашей отечественной коммерціи и уничтоженіе россійской администраціи и замѣна ее германской или русско-нѣмецкой—наконецъ обратили на себя достаточное вниманіе съ нашей стороны, то мы прозрѣли и завопили: караулъ, нѣмецкое засилье, бороться съ нимъ во что бы то ни стало—и начали борьбу. Борьбу мы повели отчасти по-свойски, сначала поколотили стекла въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ магазинахъ, а за компанію и въ русскихъ, затѣмъ начали излавливать различныхъ лицъ съ иностранными фамиліями, говоря, что это нѣмцы, пускай тамъ потомъ разберутся, а потомъ начался походъ противъ нѣмецкихъ книгъ и вывѣсокъ. Все это можетъ быть прекрасно, порывъ противъ нѣмецкаго засилья вполнѣ законный, понятный и допустимый, по пока онъ остается только воплемъ сердца, а до разумной борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ отъ этого вопля весьма далеко. Если не пойти навстрѣчу врагу съ твердо сознанной цѣлью, съ твердымъ опредѣленіемъ пути, по которому слѣдуетъ идти, чтобы сломить его силу и мощь, если не уяснить себѣ въ точности всѣ способы до мельчайшихъ подробностей, которыми надо бороться съ нѣмцами, само сабою разумѣется, вопль сердца будетъ только потрясать воздухъ и другого значенія онъ имѣтъ не будетъ.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ видовъ нѣмецкаго за-

силія, какъ я сказалъ, надо признать нѣмецкую колонизацію и по размѣрамъ ея и по расположенію ея въ различныхъ мѣстностяхъ. Это нами было сознано, а отчасти, повидимому, и правительство стало на эту точку зрѣнія; по крайней мѣрѣ 22 сентября 1914 г., спустя 2 мѣсяца послѣ объявленія войны, состоялся Именной указъ Правительствующему Сенату, воспрещавшій иностраннымъ подданнымъ пріобрѣтенія какого бы то ни было недвижимаго имущества въ приграничныхъ, находящихся на военномъ положеніи, мѣстностяхъ. Но этого было недостаточно, указъ не могъ имѣть всеобъемлющаго значенія, онъ не могъ быть распространенъ на всѣ явленія, подходящія подъ одну и ту же рубрику, онъ носилъ характеръ мѣры чрезвычайной, принятой въ данную минуту для удовлетворенія насущнѣйшей необходимости. Общество стало ждать другого—планомѣрной борьбы съ нѣмецкимъ землевладѣніемъ и вотъ начало ноября принесло намъ радостные слухи о томъ, что правительство спѣшно вырабатываетъ законопроектъ для проведенія его даже помимо законодательныхъ учрежденій въ порядкѣ ст. 87. о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія. Дѣйствительно, кажется 10 ноября 1914 г. во всѣхъ газетахъ одновременно появился напечатаннымъ этотъ проектъ, во всѣхъ своихъ частяхъ тождественный по тексту въ различныхъ органахъ и изданіяхъ, и, повидимому, полученный изъ одного и того же источника. При первомъ чтеніи проекта дѣло обстояло какъ будто бы довольно благополучно. Проектъ былъ разбитъ на параграфы и статьи, содежалъ рядъ постановленій о ликвидаціи имуществъ, нынѣ находящихся во владѣніи иностранцевъ—нѣмецкихъ выходцевъ, были случаи санкціи уголовнаго закона и т. д., но при внимательномъ чтеніи бросались въ глаза нѣкоторые его недостатки, которые подѣйствовали на болѣе внимательную, сознательную часть русскаго общества прямо удручающе. Какъ классическій примѣръ въ этомъ смыслѣ можно привести слѣдующій: при перечисленіи мѣстностей, на которыя долженъ былъ распространяться имѣвшій

быть изданнымъ законъ, не были забыты такія губерніи, въ которыхъ, собственно говоря, нѣмецкимъ духомъ едва ли даже и пахло, какъ напр. Олонецкая г., которая врядъ ли была для нѣмцевъ въ какомъ бы то ни было отношеніи интересна. Затѣмъ Кавказскій край, весьма отдаленный отъ Германіи, но зато не были включены три губерніи, непосредственно прилегающія къ областямъ восточной Пруссіи: Ковенская, Курляндская и Сувалкская г. Это именно тѣ три губерніи, которыя находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ родиной прусскаго юнкерства и съ очагомъ прусскаго милитаризма, которыя наиболѣе всего были заселены нѣмецкими колонистами и гдѣ наиярче проявлялся тотъ сокровенный смыслъ, ради котораго колонизація производилась и который заставлялъ относиться къ ней съ извѣстнымъ опасеніемъ. Оправданіе для такого пропуска трудно найти, тѣмъ болѣе, что наряду съ пропущенной Курляндской губерніей, перечислены губерніи: Лифляндская и Эстляндская, а затѣмъ наряду съ Сувалкской губерніей перечислены были девять остальныхъ губерній Царства Польскаго; съ апріорной точки зрѣнія казалось весьма страннымъ, почему какая нибудь Радомская или Холмская губернія, прилегающія къ областямъ съ славянскимъ населеніемъ, является болѣе вредной въ колонизаціонномъ отношеніи чѣмъ Сувалкская, примыкающая къ Восточной Пруссіи. Это тѣмъ болѣе удивительно, что появленіе въ печати проекта совпало съ высылкой изъ Курляндіи одного изъ виднѣйшихъ дѣятелей по нѣмецкой колонизаціи барона Карла Мантейфеля, который былъ маленькимъ богомъ у себя на мѣстѣ и которому безропотно повиновалась высшая и низшая администрація, которой онъ диктовалъ свои условія, какъ побѣдитель. Этотъ господинъ былъ высланъ за свои подвиги на почвѣ онѣмеченія Курляндіи, а черезъ нѣсколько дней послѣ его высылки появился въ печати, хотя и частнымъ образомъ, тотъ проектъ правилъ, въ которыхъ Курляндская губернія объявлялась болѣе чѣмъ благополучной въ отношеніи колонизаціи. Очевидно, если это есть недосмотръ, то

очень курьезнаго свойства. Я не стану приводить другихъ техническихъ недостатковъ этихъ правилъ, скажу только одно, что на мой взглядъ они настолько сильны и существенны, что только можно поблагодарить судьбу, что правила эти, опубликованныя 10-го ноября, въ дѣйствіе не вошли и что проектъ такъ и остался проектомъ. Мнѣ приходилось слышать отъ лицъ правительственныхъ, именно отъ чиновъ полиціи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, что будто-бы они вовсе не отвѣтственны за тотъ проектъ, который напечатанъ былъ въ газетахъ. Это было сказано даже въ Бюджетной Комиссіи Государственной Думы, но публично, несмотря на статьи газетъ, несмотря на громкое заявленіе общества, что правила являются неудоволетворительными, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ никакого опроверженія слуховъ не сдѣлало, а потому слѣдуетъ полагать, что извѣстная доля справедливости въ существованіи проекта была и, что появленіе его въ печати не должно быть отнесено къ области чистой фантазіи. Итакъ, правила не были введены въ дѣйствіе; общество продолжало ждать разрѣшенія поставленнаго вопроса и ждало довольно долго, но въ концѣ концовъ, 2 февраля 1915 г., опубликованы были Правила о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, уже нынѣ введенныя въ дѣйствія въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ. Съ точки зрѣнія юридической структуры эти правила несомнѣнно идутъ гораздо дальше, нежели тотъ проектъ, который былъ напечатанъ въ ноябрѣ. Они, несомнѣнно, технически болѣе разработаны, болѣе пріемлемы и цѣлесообразны, чѣмъ послѣдніе. Въ нихъ нѣтъ уже этого курьезнаго исключенія найболѣе колонизованныхъ областей Россіи изъ дѣйствія Правилъ, но всетаки въ нихъ есть такіе дефекты, которые внушаютъ мысль, что не они изъ себя представляютъ ту панацію, посредствомъ которой можно бороться съ нѣмецкимъ засиліемъ въ области землевладѣнія, не имъ суждено прекратить то зло, которое на нашихъ глазахъ наростало и которое нынѣ обнаружило всю свою вредоносность. При ближайшемъ

разсмотрѣніи этихъ Правилъ мнится, что они написаны двумя авторами: одинъ, какъ будто созидалъ, а другой какъ будто бы разрушалъ созданное; одинъ старался вводить ограниченія въ область нѣмецкаго землевладѣнія, а другой старался вносить такія поправки и примѣчанія, которыя въ значительной степени аннулировали бы трудъ перваго автора, а иногда вводились такія статьи, которыя въ корнѣ противорѣчили статьямъ, первоначально написаннымъ; иногда, самымъ неожиданнымъ образомъ встрѣчается нѣкоторое умолчаніе такого характера, которое дѣлаетъ совершенно необъяснимымъ основное положеніе. Мнилось, что двѣ руки были приложены къ Правиламъ, но разобраться въ томъ, какая статья принадлежитъ первому автору, а какая второму, несмотря на весь интересъ подобнаго труда, представляло изъ себя задачу, чрезвычайно трудную, кропотливую, которую можно лишь сравнить съ трудомъ историка русскаго, который задумалъ бы отдѣлить первоначальный текстъ лѣтописи Нестора отъ позднѣйшихъ наслоеній. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, задача почти неисполнимая, но тѣмъ не менѣе нѣкоторые пункты и этапы на этомъ пути установить можно. Я не стану касаться подробностей тѣхъ юридическихъ недочетовъ Правилъ 2 февраля, которые, можетъ быть, неинтересны собранію, достаточно сказать, что въ техническомъ смыслѣ конструкція нѣкоторыхъ статей неудовлетворительна и что она потребуетъ и уже потребовала значительной работы въ смыслѣ разъясненія разныхъ положеній. Эта работа теперь производится, я не знаю, скоро ли она будетъ окончена, но по слухамъ она является настоятельной ввиду тѣхъ недоумѣній, которыя возбудило примѣненіе Правилъ на мѣстахъ и разнородныхъ толкованій, которымъ эти правила должны были подвергнуться со стороны мѣстныхъ администраторовъ для которыхъ, какъ водится, никакого общаго мѣрила дѣйствій никогда не было, причемъ всякій изъ нихъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, чтобы не сказать больше. Я оставляю это въ сторонѣ и коснусь трехъ

коренныхъ недостатковъ, которыми эти Правила по-моему обладаютъ. Первый изъ этихъ недостатковъ это то, что отдѣлъ о прекращеніи землевладѣнія иностранныхъ подданныхъ, а именно подданныхъ германскихъ, австрійскихъ, венгерскихъ и турецкихъ (послѣднее, пожалуй, даже излишняя роскошь, такъ какъ едва ли намъ извѣстно много случаевъ, гдѣ турки проявляли бы свое засиліе въ области землевладѣнія,) касается исключительно имуществъ внѣ городскихъ и отнюдь не можетъ быть примѣняемъ къ имуществамъ городскимъ. На мой взглядъ это очень крупный пробѣлъ въ Правилахъ. Дѣло въ томъ, что законъ нашъ въ этомъ отношеніи вообще очень сбивчивъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ общій законъ относительно опредѣленія даннаго имущества какъ городского, или внѣ-городского ставитъ обязательнымъ условіемъ нахожденіе того или иного имущества въ чертѣ города, занесенной на Высочайше утвержденный планъ; въ другомъ случаѣ онъ считаетъ городскимъ имуществомъ всякое имущество, которое не находясь въ городской чертѣ, тѣмъ не менѣе падлежитъ дѣйствію какихъ бы то ни было обязательныхъ постановленій городского управленія или населеніе котораго уплачиваетъ извѣстнаго рода сборы въ пользу города или наконецъ подчиняется дѣйствію городской, а не уѣздной полиціи и тому подобное. Разобраться въ этихъ различныхъ толкованіяхъ и указаніяхъ закона, соединить ихъ въ одно и вывести какую нибудь одну общую мысль чрезвычайно затруднительно. Слѣдовательно, уже одно это обстоятельство само по себѣ сильно затрудняетъ и тормозитъ правильное примѣненіе закона о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, но остается еще открытымъ вопросъ о такихъ мѣстностяхъ, которыя въ сущности никакъ нельзя подвести подъ характеръ ни городского, ни внѣ-городского поселенія и которыя представляютъ изъ себя промежуточную стадію между городомъ и деревней. Классическимъ примѣромъ этихъ мѣстностей являются патримоніальные округа въ Прибалтійскомъ краѣ; это тѣ мѣстности, тѣ го-

родскія имѣнія, которыя прилегаютъ къ городу и иногда на очень значительномъ пространствѣ представляютъ собой городскую землю, но съ населеніемъ, сельско-хозяйственнаго характера и съ таковыми-же занятіями жителей. Мѣстности эти подлежатъ дѣйствію обязательныхъ постановленій городскихъ управленій, вѣдаетъ ими зачастую (но не всегда) городская полиція уплачиваютъ они извѣстные сборы въ пользу города, а слѣдовательно на-лицо есть рядъ признаковъ, указывающихъ на ихъ причисленіе къ имуществамъ городскимъ; съ другой-же стороны какъ сказано, въ характерѣ заселенія нѣтъ ничего общаго съ заселеніемъ городскимъ; нѣтъ ни правильныхъ улицъ, ни непрерывныхъ кварталовъ, а есть разбросанныя усадьбы для лицъ занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, причемъ усадьбы эти перемежаются съ многочисленными фабриками и заводами, зачастую очень крупными, благодаря близости мѣстонахожденія къ городу. Возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ Правила отнесутся къ этимъ имуществамъ. Что вопросъ объ этомъ не праздный, я могу сослаться на г. Ригу, патримоніальный округъ которой заключаетъ въ себѣ свыше 50-ти тысячъ десятинъ земли и примыкаетъ непосредственно къ Рижскому заливу, окаймляя полукругомъ г. Ригу и представляя весьма важный пунктъ въ военномъ отношеніи, Въ этомъ округѣ находится масса крупнѣйшихъ фабрикъ и заводовъ, зачастую имѣющихъ непосредственно государственное значеніе, тамъ напримѣръ имѣется пистонный заводъ въ мѣстности Зассенгофъ, рельсопрокатный, весьма значительный заводъ Фениксъ, сталелитейный Саламандра и т. подобное. Какая точка зрѣнія будетъ приложена ко всѣмъ этимъ фабрикамъ и заводамъ, я могу привести примѣръ другого города Пернова Лифлядской губ. Въ 5 – 6 верстахъ отъ г. Пернова находится целлулозная фабрика Вальдгофъ; на фабрикѣ этой устроенъ былъ по мѣстнымъ слухамъ въ августѣ мѣсяцѣ безпроволочный телеграфъ. Расположена она какъ разъ въ

началѣ той прямой линіи, которая ведетъ отъ берега непосредственно къ выходу изъ Рижскаго залива въ открытое Балтійское море. Существованіе безпроволочнаго телеграфа тамъ слѣдовательно, наиболѣе цѣлесообразно. Положимъ, потомъ эти свѣдѣнія оффиціально по провѣркѣ не оправдались и задуманная конфискація фабрики не состоялась; фабрика продолжала функціонировать и, конечно, оставалась бы неприкосновенной и впредь, если бы, слава Богу, въ общемъ собраніи акціонеровъ при состоявшихся дополнительныхъ выборахъ членовъ правленія 2 ноября 1914 г. не были бы избраны подполковникъ Мясоѣдовъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Фрейнатъ директорами. Благодаря этому за послѣднее время вновь всплылъ наружу вопросъ о фабрикѣ Вальдгофъ и она можетъ быть подвергнется конфискаціи. Если бы не было этого счастливаго стеченія обстоятельствъ, то возникаетъ вопросъ, какъ слѣдовало бы поступить съ этой фабрикой на основаніи Правилъ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія? Она могла бы не подойти подъ дѣйствіе этихъ Правилъ и я даже убѣжденъ, что она не подошла бы, какъ находящаяся въ патримоніальномъ округѣ г. Пернова, такъ какъ къ ней должно было быть примѣнено опредѣленіе городского недвижимаго имущества. Можно было бы привести еще много подобныхъ примѣровъ, но я укажу вамъ еще на одно курьезное обстоятельство. Въ томъ же самомъ отдѣлѣ о ликвидаціи землевладѣнія иностранныхъ подданныхъ имѣется ст. 11, которая воспрещаетъ какія бы то ни было сдѣлки по всякому пользованію недвижимыми имуществами, включая и наемъ квартиръ и домовъ иностранными подданными. Статья прекрасная, но замѣтьте, что весь отдѣлъ относится только къ внѣ-городскимъ имуществамъ. Слѣдовательно и грозная ст. 11, которая, казалось, дѣлаетъ невозможной никакую аренду и наемъ, относится также къ внѣ городскимъ имуществамъ. Такимъ образомъ всѣ деревенскія имущества подошли сюда, а всѣ городскія не подошли. Слѣдовательно, сдѣлка по найму какой-нибудь

хибарки, находящейся въ деревнѣ и занятой иностранцемъ-сапожникомъ или портнымъ, можетъ быть безобиднѣйшимъ существомъ, оказывается въ глазахъ законодателя гораздо болѣе опасной и нуждающейся въ ликвидаціи, чѣмъ какая либо большая пистонная фабрика, находящаяся въ предѣлахъ города и содержащая въ себѣ, можетъ быть, сотни различныхъ помѣщеній и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющая общегосударственное значеніе; но это имущество городское, а то нѣтъ. Недосмотромъ это объяснить трудно; я лично думаю, что ст. 11 была уже въ первичной редакціи Правилъ, это есть Несторъ-лѣтописецъ подлинный, а вотъ выраженіе въ статьѣ 1, касающееся внѣ-городскихъ имуществъ, которое сдѣлало этотъ законъ примѣнимымъ только къ внѣ-городскимъ имуществамъ, это позднѣйшее наслоеніе; тѣмъ самымъ, слѣдовательно, статья 11 со всего размаха ударила только по такимъ рѣдкимъ въ природѣ иностранцамъ, которые, очевидно, какъ исключеніе, ютятся гдѣ нибудь въ деревнѣ за сотни верстъ отъ города, гдѣ имъ въ сущности то и дѣлать нечего. Курьезно то, что часто въ правилахъ встрѣчается терминъ; квартиръ, домовъ и иныхъ помѣщеній. Тутъ мы видимъ цѣлый рядъ дѣлаемыхъ исключеній: эти „квартиры, дома и иныя помѣщенія“ отнюдь не подлежатъ какимъ либо ограниченіямъ въ смыслѣ ихъ найма или эксплоатаціи. Вещь превосходная, я ничего не имѣю противъ того, если какой нибудь иностранецъ будетъ имѣть право снимать квартиру въ городѣ или даже цѣлый домъ, если онъ настолько богатъ, но меня озадачиваетъ выраженіе „иныя помѣщенія“. Съ одной стороны это можно понимать какъ подвалъ при домѣ, чердакъ при квартирѣ или что-нибудь подобное, съ другой стороны можно трактовать это какъ заводъ какой-нибудь съ тысячью рабочими или какъ фабрику съ милліоннымъ производствомъ или какъ мельницу крупнаго рязмѣра и т. д. Если допустить послѣднее толкованіе, что отнюдь не исключается смысломъ самаго закона, тогда съ легкимъ сердцемъ придется признать, что

всѣ подобныя „иныя помѣщенія“, фабрики, заводы и прочія недвижимыя имущества, только не сельскохозяйственнаго характера, всѣ они благополучно будутъ процвѣтать при введеніи самымъ строгимъ образомъ этихъ правилъ объ ограниченіи нѣмецкаго землевладѣнія. Я считаю нужнымъ отмѣтить, что этотъ терминъ: „...дома и иныя помѣщенія“, есть продуктъ Правилъ 2 февраля, въ Высочайшемъ Указѣ 22 сентября этотъ терминъ не встрѣчается. Тамъ, въ аналогичномъ постановленіи встрѣчается выраженіе: „квартиръ для личнаго пользованія и жилыхъ домовъ“, какъ видите, выраженіе гораздо болѣе опредѣленнаго свойства, не оставляющее и тѣни сомнѣнія о томъ, чего именно имѣлъ ввиду достичь авторъ Указа, но нашелся опытный редакторъ Правилъ 2 февраля, которому это точное выраженіе показалось недостаточно точнымъ и онъ его замѣнилъ выраженіемъ, которое я сейчасъ имѣлъ удовольствіе передъ вами процитировать. Вообще Отдѣлъ I относительно разнаго рода вещныхъ правъ страдаетъ нѣкоторой неопредѣленностью; даже первыя двѣ его статьи впадаютъ другъ съ другомъ въ противорѣчіе. Ст. 1 говоритъ: всякое пріобрѣтеніе какого то ни было недвижимаго имущества внѣ городовъ иностраннымъ подданнымъ такимъ то воспрещается. Прекрасно, но ст. 2 говоритъ, что дозволяется пріобрѣтать по наслѣдству такія то и такія недвижимыя имущества. Со стороны юридической конструкціи это есть противорѣчіе. Положимъ, наслѣдственныя имущества подлежатъ извѣстному ограниченію, онѣ должны быть отчуждаемы въ извѣстный срокъ, но съ точки зрѣнія юридической техники это крупный недосмотръ закона, тѣмъ болѣе такого закона, который отнюдь не расчитанъ на примѣненіе только при военныхъ обстоятельствахъ, а который долженъ сохранять свое дѣйствіе и впредь, въ мирное время и можетъ быть надолго и который, за бездѣйствіемъ у насъ теперь законодательныхъ учрежденій, можетъ принести много вреда пока наши законодательныя учрежденія разберутся въ этомъ законѣ и внесутъ въ него

Государств. публичная историческая

необходимыя исправленія. Дальше, залоговое право; осуществленіе его оказывается допущеннымъ для иностранцевъ; положимъ есть оговорка, что залоговое право не влечетъ за собой распоряженія и владѣнія имуществомъ, но повѣрьте, что эта оговорка совершенно теоретическаго характера. Дѣйствительно, за долги по залогу продать имущества нельзя, но развѣ нельзя обставить залоговую сдѣлку такимъ образомъ, что залогодатель явится полнымъ хозяиномъ имущества, а собственникъ его,—управляющимъ. Это вполнѣ возможно, достаточно привести въ примѣръ нашъ сѣверо-западный край, гдѣ землевладѣніе нѣкоторымъ классамъ жителей, напр. евреямъ, воспрещено и гдѣ тѣмъ не менѣе очень большое количество имуществъ фактически находится въ распоряженіи евреевъ. Это дѣлается весьма просто и обходъ закона болѣе чѣмъ возможенъ. Такимъ образомъ допущеніе залогового права для иностранцевъ является весьма крупнымъ дефектомъ правилъ. Далѣе, Правила предусматриваютъ нарушеніе всякаго рода договорныхъ сдѣлокъ, вытекающихъ изъ права собственности и владѣнія. Здѣсь есть и право застройки, право владѣнія и пользованія, есть право наслѣдственной аренды, есть все, но только нѣтъ одного, самаго общеупотребительнаго способа землепользованія, который наиболѣе распространенъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи—это простой аренды. Наслѣдственная аренда, это институтъ, который почти нигдѣ и никогда не примѣняется, а урегулированія простой аренды, относительно которой у каждаго здѣсь сидящаго найдутся десятки примѣровъ, его то въ правилахъ и нѣтъ. Думаютъ, что спеціальное упоминаніе о простой арендѣ является излишнимъ потому, что права по арендѣ не переходятъ по наслѣдству, иначе это обращается уже въ наслѣдственную аренду, которая является запрещенной Правилами. Смѣю увѣрить почтенныхъ авторовъ этихъ Правилъ, что наслѣдственная аренда является институтомъ совершенно своеобразнымъ, ничего общаго съ институтомъ простой аренды не имѣющимъ. При передачѣ арендованнаго иму-

щества отца сыну или родственнику, онс отнюдь не пріобрѣтаетъ свойствъ наслѣдственной аренды, а остается простой арендой. Такимъ образомъ никакія ограниченія, здѣсь въ законѣ находящіяся относительно наслѣдственнаго перехода, этого вида землепользованія отнюдь не касаются. Вторымъ крупнымъ недостаткомъ Правилъ является то, что они, разсматривая ликвидацію землевладѣнія австро-венгерскихъ, германскихъ и даже, какъ я сказалъ, турецкихъ подданныхъ, совершенно не затрагиваютъ вопроса относительно подданныхъ нейтральныхъ государствъ, уже не говоря о государствахъ дружественныхъ. Въ настоящее время есть нейтральныя государства одного порядка и другія совершенно другого порядка. Какъ извѣстно, если къ однимъ нейтральнымъ государствамъ мы можемъ относиться съ извѣстнаго рода довѣріемъ и уваженіемъ, то къ другимъ едва ли мы способны питать столь же добрыя чувства. Едва ли желательно поэтому, чтобы государства второго рода могли бы насаждать у насъ свою колонизацію. Между тѣмъ въ Правилахъ рѣшительно ничего не содержится относительно возможности примѣненія ихъ къ тѣмъ лицамъ, которыя изъ германскаго, напр. подданства, для осуществленія извѣстной цѣли, перешли бы въ подданство какой бы то ни было нейтральной державы. Можно предвидѣть въ будущемъ,—конечно во время войны этого дѣлать неудобно, но надѣюсь, что война когда нибудь да кончится,—привлекательную картину, когда вмѣсто блондиновъ германскаго происхожденія у насъ будутъ цѣлыя окраины заселены такими же блондинами, но не германскаго, а скажемъ румынскаго, шведскаго или датскаго подданства. Получится любопытный предметъ для изслѣдованія статистики, но едва ли особенно утѣшительный выводъ для того, кто желалъ бы видѣть отъ дѣйствія закона наиболѣе полные результаты. Я хотѣлъ бы еще упомянуть объ одномъ случаѣ относительно прекращенія различныхъ сдѣлокъ, устроенныхъ въ обходъ закона. Тутъ въ статьѣ, которая касается этихъ сдѣлокъ, содержится чрезвычайно

грозное постановленіе: тотъ, кто будетъ изобличенъ въ подобнаго рода сдѣлкахъ, высылается заграницу. Прекрасно. Но, а самая сдѣлка? Она, оказывается, остается въ силѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ по крайней, мѣрѣ, потому, что изъ самаго тщательнаго и кропотливаго сопоставленія статей закона, которыя предусматриваютъ порядокъ расторженія подобныхъ сдѣлокъ видно, что расторженіе сдѣлокъ предоставляется, помимо заинтересованныхъ сторонъ, также иниціативѣ губернскихъ властей, но относительно нѣкоторыхъ видовъ землепользованія вы не можете обосновать на текстѣ правилъ возможности для этихъ властей что нибудь сдѣлать для прекращеніи подобнаго рода неформальныхъ сдѣлокъ. Классическимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи могутъ служить лѣсорубочные контракты; является иностранецъ, вырубаетъ по контракту громаднѣйшую площадь лѣса, уничтожаетъ ее всю, а губернское начальство спокойно смотритъ на это и должно смотрѣть очень спокойно и конечно для контрагентовъ не будетъ смысла заботиться о расторженіи ими же заключенной сдѣлки. Въ другомъ случаѣ, когда губернское начальство даже и можетъ вчинить искъ, для уничтоженія подобнаго рода сдѣлки не установлено сокращеннаго вида судопроизводства; устанавливая же сложное производство законъ тѣмъ самымъ обрекаетъ иски губернскаго начальства на нескончаемую судебную волокиту съ сроками обжалованія, апелляціи, кассаціи и т. п., отнюдь не представляя права какимъ бы то ни было образомъ гарантировать фактическое прекращеніе этой сдѣлки въ моментъ ея обнаруженія. Такимъ образомъ тотъ спеціалистъ, который пожелалъ бы въ обходъ правилъ высосать всѣ соки изъ владѣемаго имъ имущества, можетъ спокойно это сдѣлать и раззоривши его до тла, вытянувши изъ него все, что возможно, онъ совершенно обезцѣненное имущество преподнесетъ губернскому начальству и скажетъ: пожалуйста, прекращайте сдѣлку, сколько вамъ угодно, но имущество ничего не стоитъ, а я все свое получилъ, высылайте меня за-

границу, да я и самъ туда уѣду. Этимъ я ограничиваю пока свои замѣчанія относительно перваго отдѣла правилъ о ликвидаціи землевладѣнія иностранныхъ подданныхъ. Второй и третій отдѣлы, опубликованные одновременно, касаются прекращенія землевладѣнія иностранныхъ выходцевъ нѣмецкаго происхожденія и воспрещенія имъ новыхъ пріобрѣтеній имуществъ во всѣхъ мѣстностяхъ, а также отчужденія отъ нихъ земельныхъ имуществъ въ мѣстностяхъ пограничной полосы. Оба эти отдѣла всей своей тяжестью ударяютъ по мелкому землевладѣнію. По отношенію къ нему вы можете встрѣтить подробнѣйшее перечисленіе различныхъ видовъ землепользованія и различныхъ классовъ населенія, пользующихся ограниченными по пространству земельными участками и по условіямъ подходящихъ подъ типъ крестьянскаго землевладѣнія; по отношенію къ нимъ имѣется рядъ ограничительныхъ постановленій, но про крупное землевладѣніе и землепользованіе вы тамъ ничего не найдете, въ томъ случаѣ, если оно возникло ранѣе, почему то произвольно взятой даты 1-го января 1880 г. Я считаю нужнымъ отмѣтить, что въ пресловутыхъ Правилахъ 10 ноября, которыя на мой взглядъ явились крайне неудовлетворительными, тамъ вмѣсто этой даты существовалъ срокъ 1 января 1870 г., т. е. представлялась возможность воздѣйствія на всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя бы появились въ Россіи со времени изданія въ Германіи закона о двойномъ подданствѣ, но что говоритъ 1 января 1880 г., какое событіе въ это время случилось въ отношеніяхъ Россіи къ Германіи, какого рода историческій переломъ составляетъ эта дата въ области землевладѣнія, я этого угадывать не берусь. Очевидно, дата эта взята совершенно произвольно, но тѣмъ не менѣе она въ правилахъ фигурируетъ.

Итакъ, всѣ крупные земельные собственники, нѣмецкіе выходцы, но русскіе подданные, перешедшіе въ подданство Россіи до 1 января 1880 г. являются абсолютно гарантированными отъ какого бы то ни было воз-

дѣйствія; ихъ землевладѣніе безусловно остается впредь неприкосновеннымъ и будетъ продолжаться безвозбранно, они не только сохраняютъ принадлежащее имъ имущество, но имѣютъ право и пріобрѣтать новое, расширять свои земельныя владѣнія на утѣху себѣ и на пользу судящимъ рядомъ съ ними сосѣдямъ. Эти лица, хотя бы они и были изобличены въ не совсѣмъ удобныхъ дѣяніяхъ для русской государственности и для русскаго гражданскаго устройства, тѣмъ не менѣе являются привилегированными. Для этихъ лицъ существуетъ цѣлый рядъ даже гарантій льготнаго характера, ограждающихъ крупныхъ собственниковъ, появившихся въ Россіи и послѣ 1 января 1880 г. Вы найдете тамъ льготы для лицъ нѣмецкаго происхожденія, но русскаго подданства, именно служившихъ когда-либо въ военной службѣ, получавшихъ знаки отличія, для тѣхъ даже, предки которыхъ отличились на полѣ брани или приняли православіе. Думается, почему рядомъ съ этими льготами не ввести бы ограниченія другого свойства, почему бы не оговорить въ тѣхъ же самыхъ правилахъ особыя исключенія для тѣхъ категорій лицъ, которыя изобличены въ шпіонствѣ, которыхъ сыновья или братья служатъ въ иностранныхъ арміяхъ и воюютъ противъ Россіи, которыя изобличены и приговорены въ судебномъ порядкѣ за различныя антигосударственныя дѣянія къ наказанію и т. п. Что мое заявленіе относительно этихъ постановленій не имѣетъ лишь отвлеченнаго характера, я приведу нѣсколько фактовъ, освѣщенныхъ за послѣднее время въ печати, но которые мнѣ лично извѣстны были давно; уже въ августѣ мѣсяцѣ 1914 г. я обращалъ вниманіе общества на тѣхъ лицъ, которыя являются безусловно опасными въ военномъ отношеніи въ краѣ. Въ настоящее время съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія могу сказать, что почти всѣ мои старые знакомцы стали фигурировать на столбцахъ газетъ, ввиду недавняго вторженія въ край германцевъ. Въ имѣніи Эллей графа Медема творится что то непонятное для мѣстныхъ жителей, а на мой взглядъ—и

явно недопустимое. Арендаторами тамъ являются нѣмецкіе выходцы, вся домашняя прислуга давно была замѣнена иностранцами, большей частью военнообязанными, исчезнувшими передъ началомъ войны; зачастую въ этомъ имѣніи производилась какая то непонятная для населенія сигнализація и т. д. Въ августѣ я упоминалъ о другомъ баронѣ, который въ своемъ имѣніи Эккендорфъ на горѣ устроилъ нѣсколько бетонныхъ площадокъ неивѣстнаго назначенія, имѣвшихъ чрезвычайно опредѣленный видъ и окраску и отчетливо видимыя съ высоты. Я указывалъ и на то, что у него въ имѣніи также производилась обширная нѣмецкая колонизація, что всѣ служащіе были замѣнены нѣмцами, а что латыши поголовно выселялись изъ имѣнія. Въ настоящее время я опять-таки имѣлъ удовольствіе узнать, что именно у бар. фонъ-Рекке былъ пунктъ стоянки одного изъ значительнѣйшихъ германскихъ отрядовъ, вторгнувшихся недавно въ Прибалтійскій край. Я указывалъ на знаменитаго въ нашемъ краѣ Сильвіо Бредриха, за непомѣрно жестокую расправу съ латышами, заслужившаго вѣчную недобрую память. Будучи человѣкомъ, лишеннымъ большихъ средствъ, онъ тѣмъ не менѣе годами скупалъ цѣлый рядъ имѣній съ цѣлью колонизаціи и поселялъ въ нихъ не десятки, а сотни нѣмецкихъ колонистовъ. Теперь оказалось, что не только нѣмцы находили радушный пріемъ въ имѣніи Курмаленъ у этого Бредриха, но болѣе того, они показанія дворохозяевъ его имѣнія о хлѣбныхъ и продовольственныхъ запасахъ провѣряли по спискамъ совпадавшимъ съ списками курляндскаго губернскаго правленія. Примѣровъ много, останавливаться на нихъ я больше не буду, но всѣ они говорятъ достаточно сами за себя, что какое то воздѣйствіе на крупное землевладѣніе въ Прибалтійскомъ краѣ необходимо, что такъ дѣло продолжаться не можетъ, что эти господа, которые такъ себя зарекомендовали, а ихъ много, они въ будущемъ грозятъ великими и сильными осложненіями и для нашей государственности и для нашего общественнаго строя,

благодаря имъ Прибалтійскій край представляетъ неисчерпаемый источникъ для постояннаго возбужденія крайняго неудовольствія и обостренія отношеній между населеніемъ и невозможностью тамъ жить другимъ народностямъ, кромѣ нѣмцевъ. Ими и только ими поддерживается и вдохновляется пресловутый губернаторъ Набоковъ, нынѣ ошельмованный на всю Россію двумя постановленіями Правительствующаго Сената, которыми онъ преданъ суду, но продолжающій сидѣть на своемъ мѣстѣ; вѣдь это онъ считалъ нужнымъ выступать съ оффиціальнымъ опроверженіемъ, что нѣмецкая колонизація есть явленіе чисто экономическое, а помѣщики прекрасные люди и стоятъ выше всякихъ подозрѣній. И вотъ я говорю: эти недосмотры и пропуски въ законѣ, они въ значительной степени аннулируютъ его политическое и экономическое значеніе. Не правъ ли я былъ сказавъ, что до сихъ поръ и въ нашемъ обществѣ и въ законодательствѣ еще царитъ вопль сердца, а голосъ разума, тотъ директивъ, который намъ указываетъ, какъ дѣйствительно бороться со зломъ нѣмецкаго засилья въ землевладѣніи и съ нѣмецкой колонизаціей, до сихъ поръ еще молчитъ. Я не стану перечислять другихъ недостатковъ этого пресловутаго закона, ихъ много и безъ того; спеціалистамъ будетъ принадлежать честь и право заняться этимъ на досугѣ, я только желалъ отмѣтить, что многія статьи написаны не съ искреннимъ намѣреніемъ борьбы съ создавшимся порядкомъ нѣмецкаго захвата русской земельной собственности; многія статьи отличаются и почеркомъ и чернилами отъ тѣхъ, которыя продиктованы настоящимъ намѣреніемъ законодателя. Видятся двѣ руки и одна изъ нихъ творила недоброе дѣло; кому принадлежитъ эта рука, я не берусь отгадывать, но автору ея я напомню слова молитвы: „Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія“.

5930

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

Цѣна 25 коп.

Складъ изданія: Канцелярія Общества 1914 года (Садовая, 32. Петроградъ). Продается тамъ же, а также въ магазинахъ „Новое Время“ (Невскій, 40), Н. П. Карбасникова (Гостинный Дворъ, 19), И. Д. Сытина (Невскій 68—40), Н. К. Мартынова (Садовая 5—10) и др.

Въ Кіевѣ—въ магазинѣ Идзиковскаго (Крещатикъ, 29).